

- 14 Бёлль Г. Город привычных лиц. С. 20.
- 15 Там же. С. 29.
- 16 Цит. по: Рожновский С. В. Генрих Бёлль. М., 1965. С. 6.
- 17 Бёлль Г. Франкфуртские лекции / Пер. А. Карельского // Бёлль Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. Повесть. Роман. Рассказы. Эссе. Речи. Лекции. Интервью. 1964–1971 / Пер. с нем. М., 1996. С. 631.
- 18 Бёлль Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Романы. Повесть. Рассказы. Эссе. 1947–1954 / Пер. с нем. М., 1989. С. 474.
- 19 Там же. С. 71.
- 20 Там же. С. 74.
- 21 Там же. С. 81–82.
- 22 Зарубежная литература XX века. С. 433.
- 23 Бёлль Г. Франкфуртские лекции. С. 608.
- 24 Там же. С. 609.
- 25 Кубарева Н. П. Указ. соч. С. 155.
- 26 Бёлль Г. Дом без хозяина // Бёлль Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. Роман. Повести. Путевой дневник. Радиопьесы. Рассказы. Эссе. 1954–1958 / Пер. с нем. М., 1990. С. 30.
- 27 Там же. С. 41.
- 28 Там же. С. 87.
- 29 Бёлль Г. Франкфуртские лекции. С. 630.
- 30 Кубарева Н. П. Указ. соч. С. 169.
- 31 Топер П. М. Свидетель и участник обновления // Бёлль Г. Избр. произв. / Пер. с нем. М., 1994. С. 486.

Н. В. Сорокина

**“ТЕПЛО ВЕЛИКОГО ЕДИНСТВА,
СОЗНАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО БЕССМЕРТИЯ...”
(Военная тема в романе Л. М. Леонова “Русский лес”)**

Роман Л. М. Леонова “Русский лес”, опубликованный в 1953 году, стал рубежом для русской литературы XX столетия. Он подвел итоги ее развития в первой половине века и намечил некоторые перспективы, явившись “своеобразной точкой отсчета достижений прозы послевоенных десятилетий”¹. После Победы 1945 года отечественная словесность была напугана грозными мерами партийного руководства в области литературы (Постановление ЦК ВКП(б) 1946 года “О журналах “Звезда” и “Ленинград” и др.). Слишком категорично, однако в русле общепринятой оценки, замечает по этому поводу С. И. Кормилов: “Конец 40-х – начало 50-х годов, время позднего сталинизма, ознаменованы предельным, максимальным падением уровня литературы в СССР”². Роман “Русский лес” бесспорно стал ярким со-

бытием в истории русской литературы XX века, долгожданным явлением искусства, знаковым событием в оформлении национальных приоритетов и борьбе за сохранение святынь.

Не случайным представляется факт введения в название произведения определения "русский". Это тем более важно учитывать, поскольку Леонов, как правило, не шифрует в заглавиях романов авторской оценки. В 1944 году А. Н. Толстой назвал свой рассказ "Русский характер", придав частному случаю свойства типичности. Леонов же ввел в заглавие романа эпитет, обозначающий значительность одного из национальных природных достояний. Такое подчеркивание (*русский характер, русский лес*) свидетельствует о процессе патриотического подъема, идущего от общенационального воодушевления и "всемирной отзывчивости".

Осознание национальной значительности приходит, как правило, именно в годы освободительной войны. Победа над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года породила небывалый дотоле всплеск политической, культурной жизни страны, способствовала возникновению, закреплению интереса к национальным истокам, к поискам корней, давших такой результат. "Весь период начала XIX века есть, как никогда прежде, — подытоживает Н. Н. Скатов, — время осознания Россией своей государственности, национальной определенности и самостоятельности. <...> И дело не только во внешних победах, закончившихся вступлением русских войск в Париж, а именно во внутреннем осознании себя Россией, нашедшем выражение прежде всего в литературе"³.

Параллели в событийных и характерологических особенностях двух Отечественных войн в России нередко присутствуют на страницах произведений Леонова. В начале очерка 1942 года "Твой брат Владимир Куриленко" писатель прямо сопоставлял события: "Второй год от моря до моря, не смолкая ни на минуту, гремит стократное Бородино Отечественной войны"⁴. В леоновской публикации чувствуется внутренняя полемика с оценками Лермонтовым своих ровесников ("Да, были люди в наше время, / Не то, что нынешнее племя: / Богатыри — не вы!" [5]). Лексика, прямые текстологические совпадения ориентируют на знаменитое "Бородино": "Нет, не устыдятся своих внуков суровые и непреклонные пращурь их. <...> Никогда не поредеет это племя богатырей, потому что самый слух о герое родит героев"⁶ (здесь и далее курсив наш. — Н. С.). Вспоминается 1812 год и в "Русском лесе", например: "С одной заставы прямо в бой, как

и сто тридцать лет назад, отправлялись отряды народного ополчения и молодежь"⁷. Уходящие на фронт бойцы неоднократно именуются богатырями. Одна из второстепенных героинь удивленно вздыхает, слушая рассказ Павла Арефыча о мужественной девочке: "Племя-то какое незаметно подросло: прикажи, без крыльев полетит!" (с. 609). Юное поколение времен Великой Отечественной войны, в числе которого и молодые герои "Русского леса", рано повзрослело и выступает достойным продолжателем славы предков. Писательская отсылка к событиям XIX века, по масштабам соизмеримым с Великой Отечественной войной, позволяет соединить отдельные явления в общую цепь истории, показать преемственность национальных идеалов.

Действие романа Леонова "Русский лес" начинается 21 июня 1941 года, накануне войны. 1941–1942 годы являются одним из временных пластов многоуровневой структуры романного хронотопа, наиболее важным в плане раскрытия характеров персонажей.

Главным географическим предметом писательских раздумий о характере народной войны была Москва. "Мы всегда, — признавался писатель еще в довоенной статье "Послесловие Зарядью", — с особой нежностью произносим это слово. Оно не только географическое обозначение. Вокруг него зрело наше национальное самосознание"⁸. Действие шести из семи романов Леонова, за исключением "Соти", связано с Москвой или ее окраинами. Страницы публицистических и художественных произведений писателя наполнены искренней любовью к русской столице и стремлением сохранить национальные сокровища Москвы, достояние всего русского народа. Изданный в 1946 году сборник Леонова "Статьи военных лет", своего рода гимн русскому народу-победителю, открывается работой с многозначительным и дорогим для писателя названием — "Наша Москва", которая по мироощущению и пафосу является программной не только для Леонова-публициста, но и Леонова-художника.

Не удивительно, что Москва, как написал автор "Русского леса" в заметках к юбилею А. С. Грибоедова в январе 1945 года, "древний город, где впервые зародилась идея национального самосознания, <...> колыбель всемирных и братских идей"⁹, стала осью леоновских размышлений о сути происходящих в России явлений: "Москва — громадная летопись, в которой уместилась вся история народа русского"¹⁰.

"Все дороги в будущее героического поколения ведут через Москву"¹¹, — подчеркивал писатель. В военные годы происходила проверка молодости страны, которая осознала не только

свою национальную самостоятельность, но и прежде всего высокие нравственные задачи, не отделимые от народного пути. Поступки и нравственную эволюцию именно юных сил России показал писатель в "Русском лесе", включив их в активное сюжетное действие.

Л. Ф. Ершов как-то заметил, что по сравнению с "Барсуками" в остальных романах Леонова заметно стремление писателя "выделить центрального героя", а в "Русском лесе" таковых два¹². Конечно, имеются в виду Вихров и Грацианский. В леоноведении на протяжении десятилетий так и было принято считать. Но правомерна и точка зрения В. В. Агеносова, убедительно показавшего, что главным героем романа является Поля Вихрова¹³. Прослеживается некая закономерность в принципе включения в сюжет леоновских романов главных действующих лиц. Именно эта логика позволяет выделить приоритетное место того или иного персонажа в структуре произведения. Главный герой, исключая "Барсуков", появляется на первых страницах и, пройдя через весь роман, остается в финале. "Русский лес" открывается сценой приезда Поля в Москву и заканчивается картиной единения двух поколений служителей леса. Исходя из типологических структурно-композиционных особенностей леоновских романов, можно сделать вывод, что Поля как представителю нового русского поколения принадлежит ведущее место в авторской концепции. В "Русском лесе" именно Поля ведет сюжетную линию, связанную с темой Великой Отечественной войны.

Военные события по-разному входят в повествование, хотя основной принцип романистики Леонова сохраняется и в данной книге: писатель никогда не показывает напрямую события эпического масштаба. В романе мы не найдем ни крупных батальных сцен, ни эпических картин покорения природных стихий. Начальные части романа содержат лишь краткие итоговые замечания. Первая глава романа, вводящая в действие Поля, заканчивается словами: "...В эту ночь немецкие самолеты сбросили первые бомбы на спящие советские города" (с. 45). Вторая глава, в основном посвященная Ивану Вихрову, завершается фразой: "В полдень по радио он узнал о событиях минувшей ночи" (с. 101).

В первой половине книги о действиях на фронтах узнаем из писем Родиона, немногочисленных авторских комментариев, описаний военного быта столицы. Лекция Вихрова перед студентами проникнута патриотическим пафосом и вполне объяснимой

и оправданной постоянной отсылкой профессора к реалиям жизни военного времени. Вторая половина романа немного подробнее повествует о действиях молодежной бригады и о вылазке Поли, о состоянии в госпиталях и партизанском движении. Автор вводит краткие статистические данные о победах и потерях на войне (начало заключительной, семнадцатой, главы).

Война стала тем событием, в рамках которого человек проходит окончательную проверку на нравственную стойкость и человеческое достоинство. В связи с этим речь может идти не только о молодых героях романа. В. И. Хрулев, и не только он, к эпизодам с важной философско-психологической ролью относит сцены у родничка¹⁴. С таким подходом нельзя не согласиться. Именно эти фрагменты содержат модели поведения главных героев. Но в леоноведении главное внимание обращается на эпизод, когда к родничку Вихров приводит своих друзей – Грацианского и Чередилова. Безусловно, данный момент содержит своеобразные типологические схемы жизненных позиций персонажей. Вихров ведет себя искренне. Только исключительный по силе злобы поступок может вывести этого уравновешенного человека из состояния спокойствия. Таким поступком послужил "фехтовальный выпад вперед" Грацианского, который вонзил палку в "сердитый" родничок "и дважды самозабвенно повернул ее там, в темном пятнышке его гортани" (с. 263). Грацианский поступает так всегда: покусается на самое святое, дорогое, не видя в этом трагедии: "ничего ей не сделается, твоей воде... заживет" (с. 263). Не случайно слова Таиски, характеризующие взаимоотношения Вихрова и Грацианского и сказанные Поле без соотнесения с конкретной ситуацией, почти до последней детали иллюстрируют поведение последнего: "И всегда этак-то, без упреждения: изморось с усов посмахнет, обьметса с им по-братски, вобьет Ивану клинышек в большое-то место и айда по другим своим делишкам!.." (с. 207). Не задумываясь, он выносит приговор не только природе, но и научным трудам, и человеческим судьбам. И родному, родине, роду ("родник" с ними имеет один корень).

Принципиально важно подчеркнуть значимость и первой сцены у родничка. Исследователи часто пишут о символичности этого эпизода, о силе природной стихии, давшей Ивану Вихрову заряд жизнестойкости, любви к Отечеству и стремления защищать русский лес как воплощение национального макрокосма. Столь неиссякаемым источником стал обыкновенный родничок. Однако нельзя забывать о том, что такой же заряд прочности,

чистоты был дан и другу Вихрова, Демидке Золотухину, тоже утолявшему жажду из лесного ключа: "Когда оно (светлое, беспричинное ликование. — Н. С.) улеглось, мальчики с колен напились воды и, передохнув, снова пили — на всю жизнь, потому что больше нечего было унести отсюда" (с. 74). Восторженные слова автора о колыбели Склани описывают состояние обоих мальчиков. Они пили на всю жизнь живительной воды из родного ключа, и эта сцена обеспечивает роману функции ключа ко всей романистике Леонова. Демидка, уже тогда коммерсант, не надругался над родничком, как позднее это сделал Грацианский. А ведь ситуация была схожей до мелочей:

"— Востра, из земной жилы бьет, — похвалил Демидка, рукавом вытирая губы. — А что, заткнуть если?"

— Всеё землю тогда разорвет. Знаешь, сила какая!" (с. 74).

Демид Золотухин реализовал чистый заряд воды, спасая Полю в фашистском плену. Его нравственная сила проявилась не сразу и не напрямую в связи с высокими понятиями долга перед Родиной, как у Вихрова. Но, кажется, он готовился не к подвигу жизни, а к подвигу смерти. Именно Демид был тем старостой, который, понимая, что его казнят, ценой собственной жизни спас девушку, мужественно впоследствии приняв смерть: "потому ли выстрелил он, что совесть заговорила, или расплачивался за давнюю обиду в немецком плену, а может, первый взнос решил сделать за какую-то свою заветную кровинку, оставшуюся на советской стороне" (с. 599). Вот и оказалось, что в нем "чувство родины сильнее накопленной злобы" (с. 608). Это тоже своеобразный тип поведения, когда война, гражданское родство побуждают к подвигу.

А вот Грацианский так и остался на той же ступени собственного развития, не сумев прочувствовать народное горе и боль. Этого героя никак нельзя представить на месте Золотухина, хотя причин для честного самопожертвования у него было достаточно. Однако его не тронули смерти достаточно близких людей — Натальи Золотинской и дочери. Его не тронули и всенародные бедствия. Разглагольствования во время импровизированной лекции в бомбоубежище перед Полей содержат ряд общих фраз, скрытый смысл которых оправдывает любую войну. При обращении к этому персонажу Леонов не прибегает к гражданским мотивам, не дает описание восприятия военной Москвы Грацианским (хотя, кстати, в предреволюционные годы культурный и политический быт северной столицы писатель давал именно в соотнесении с судьбой Саши Грацианского). Герой оказался

недостойным этой ситуации: "кто полностью не разделил с народом его горя, непременно будет чувствовать себя отверженным и на празднике его радости" (с. 104).

Контрастны описания мирной Москвы, которую еще успела застать Поля Вихрова, и военной обстановки в городе. Столица встретила Полю великолепием улиц, красотой "наряднейших зданий мира" (с. 10). Боевые события меняют облик города. Теперь уже его украшают "центральные площади, раскрашенные в тусклые цвета камуфляжа, наиболее знаменитые здания с витринами, заложенными доверху мешками песка, рядом с театральными афишами <...> призывы к донорам, добровольцам ополчения" (с. 102). Но вместе с тем город продолжает жить обычной жизнью, ни на минуту не прекращая "разгружать теплый хлеб, подметать улицы" (с. 129). В институтах читаются лекции, даже театры строго следуют предложенному репертуару. Одно страшно для Поли: не стало слышно детских голосов. Эта деталь — каждодневные звуки детской песенки "Каравай" — служила воплощением мирной жизни Москвы, "самым вдохновенным симфоническим творением жизни" (с. 191), придавала жителям города "праздничное ощущение бодрости и уверенности, множественности чего-то и достатка" (с. 190).

Москва нерушимо стоит и выступает надежным оплотом сохранения нации и страны: "Кремлевские часы по-прежнему вели хронометраж истории, Пушкин обдумывал стихи о героизме потомков, бронзовые кони на театре рвались куда-то..." (с. 200). В этих строчках образно воплощены главные приоритеты российской государственности: история, памятники прошлого, культура, литература.

Традиционный, но ставший в 1941 году особым, Октябрьский парад на Красной площади стал примером национального единения русского народа перед лицом врага, когда "зарождалось начальное тепло великого единства, <...> сознание национального бессмертия" (с. 429). Примечательно, что герои осознают себя участниками определенного, важного этапа в развитии страны и мира: "Девушке предстояло запечатлеть в себе страничку мировой истории, по значению для страны равную выигранному крупному сражению. <...> И, сознавая, что именно про это станут ее расспрашивать до конца дней, Поля распахивала по уголкам памяти впечатления и обрывки подслушанных разговоров, окрашенных гражданской тревогой и гордостью за свой вечный город, за этот разумный строй жизни, за молодость свою..." (с. 427).

Подобным образом воспринимает Москву и Иван Вихров. В его устах естественно звучат патриотические слова о Москве и ее судьбе в годину лихолетий: "Если тебя участь Москвы тревожит, — с искренней прямоотой обращается он к Грацианскому, — то не бойся: ее не сдадут. Существуют такие святыни, которые и в мыслях нельзя отдавать на подержанье в нечистые руки..." (с. 511). Уверенность в победе сквозит в каждом слове и профессиональном поступке этого человека. Его мысли и действия обращены уже в будущее, поэтому лекция, читаемая им в дни отступления советских войск, не воспринимается как чужеродное в военной обстановке, абсурдное явление: "Наши думы далеки от предмета, ради которого мы собрались здесь, под грозным небом столицы. Однако весь тернистый путь развития материи <...> внушает нам веру в еще одну победу света над тьмой, разума над зверством и в близость той поры, когда накопленные вами знания в особенности потребуются посланному вас сюда народу. Пусть работой вашей руководит любовь к отечеству и благодарность к тем сыновьям и братьям нашим, что несут сейчас на фронтах основное бремя исторического испытания" (с. 274). "Образ леса, — справедливо и точно заметил авторитетный леоновед, — приобретает в романе символическое и эмблематическое значение: борьба за разумное использование природных богатств нашей страны, борьба за русский лес, за его гражданство — это вместе с тем борьба за сохранение источника жизни на земле, борьба за благополучие народа нашей страны, за счастье и будущее людей"¹⁵.

Великая Отечественная война, таким образом, предстает в романе Л. М. Леонова "Русский лес" как событие, созидющее национальное самоощущение русского народа, как явление, служащее лакмусовой бумажкой проверки нравственной чистоты человека.

Время и место итогового романа Л. М. Леонова "Пирамида" (1994) — предвоенная осень 1940 года, окраина Москвы Старо-Федосеево. Вновь, как и при создании "Русского леса", писатель обращается к одному из сложных периодов отечественной истории. И пусть лишь отдельные немногочисленные упоминания предвещают начало грандиозных событий ("хмурое небо конца тридцатых годов со зловещими тучками еще худших потрясений на горизонте"¹⁶, "две бледные звезды зловеще сияли прямо над головой в ожидании, к маю, третьей, красной, что знаменовало крушение цезаря и великой державы в конце предстоящей войны, о чем пока никто в мире не подозревал"¹⁷),

взгляд писателя обращен к русским национальным традициям и характерам, воплощенным в судьбе о. Матвея, его сына Вадима, комиссара Скуднова, горбуна Алеши и др. Внимание Леонова и в конце творческого пути вновь обращено к тем событиям, что позволяют определить значительность национальной самостоятельности и стойкости.

-
- ¹ Вахитова Т. М. Леонид Леонов: Жизнь и творчество. М., 1984. С. 73.
 - ² Кормилов С. И. Русская литература 20–90-х годов XX века: Основные тенденции и закономерности // История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена. М., 1998. С. 39.
 - ³ Скатов Н. Н. Русская литература в первой половине XIX века // Литература в школе. 2004. № 1. С. 2.
 - ⁴ Леонов Л. М. Твой брат Владимир Куриленко // Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 1984. Т. 10. С. 90.
 - ⁵ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 1. С. 64.
 - ⁶ Леонов Л. М. Твой брат Владимир Куриленко. С. 90.
 - ⁷ Леонов Л. М. Русский лес // Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 1984. Т. 9. С. 190. В дальнейшем роман цитируется по этому изданию с указанием страницы в тексте.
 - ⁸ Леонов Л. М. Послесловие Зарядью // Леонов Л. М. Собр. соч. Т. 10. С. 82.
 - ⁹ Леонов Л. М. Факел гения // Там же. С. 161.
 - ¹⁰ Леонов Л. М. Наша Москва // Там же. С. 83.
 - ¹¹ Леонов Л. М. Немцы в Москве // Там же. С. 156.
 - ¹² Ершов Л. Ф. Русский советский роман: (Национальные традиции и новаторство). Л., 1967. С. 229.
 - ¹³ См.: Агеносов В. В. Советский философский роман. М., 1989. С. 165–167.
 - ¹⁴ См.: Хрулев В. И. Леонид Леонов: Магия художника. Уфа, 1999. С. 153.
 - ¹⁵ Ковалев В. А. В ответе за будущее: Леонид Леонов: Исследования и материалы. М., 1989. С. 152.
 - ¹⁶ Леонов Л. М. Пирамида. М., 1994. Вып. 1. С. 10.
 - ¹⁷ Там же. С. 12.

И. С. Чернышева

**ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА
(По творчеству А. Прасолова)**

Задумываясь о своем времени, А. Прасолов дает ему краткую и страшную характеристику в сравнении с предыдущим столетием:

И прошлый век в сознание раннем
Звенел мне бронзою литой: